

Демидовское медеплавильное дело на Алтае — это прелюдия к той симфонии камнерезного искусства, которую исполнили русские мастера XIX века в глубинах сибирских гор, но звуки которой и до сего дня не затихают в музейных залах Москвы и Петербурга.

К 1786 г., когда начиналось камнерезное дело на Алтае, в России уже была создана собственная школа обращения с камнем. Это весьма примечательно — становление камнерезного искусства в сибирской стороне, на Алтае, связано с именами русских мастеров, воспитанных в Петергофе и Екатеринбурге. Но чтобы явились на свет чаша, ваза, стол или камин из камня, только мастера недостаточно. Необходимо еще обретение самого камня, способность которого стать произведением искусства и выявит придирчивый, пытливый глаз мастера!

В 1785 г. на Колывано-Воскресенских заводах побывал чиновник Кабинета ее императорского величества П.А. Соймонов. По его приказанию на берегах горных речек были отобраны гальки разноцветных камней.

Видно, в хорошие дни был Соймонов на Чарыше, Алее, Белой, когда после дождя вспыхивает под солнцем радужными цветами вся камнесамоцветная роскошь галечниковых берегов. Это вода-чудодеица, грянувшая с небес и омывшая камень, проявила его глубинную красоту и открыла неповторимые черты земного обличья.

Вернувшись в Петербург, генерал Соймонов представил алтайские камни императрице. Она приняла их с восхищением. И последовал высочайший указ об устройстве шлифовальной фабрики на Алтае.

Далее предписывалось весной будущего года направить к вершинам Чарыша, Убы, Ульбы, Мрассу и Томи экспедиции для поисков цветного камня. Любопытная подробность — участникам экспедиций в качестве эталона красоты были розданы образцы итальянских порфиоров. Надеялись найти подобные. Но Алтай этому подобию не подчинился.

Всемирно известную золоторудную провинцию Алтай в XVIII в. посетили лучшие естествоиспытатели Европы: И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, И. Георги, И.П. Фальк. Но камни цветные, камни декоративного свойства не были предметом их интереса. Результаты всех академических экспедиций в этом смысле блекнут перед находками поискового сезона 1786 г., который без преувеличения можно назвать годом алтайских самоцветов! И самая главная — это прекрасные порфиры, совсем непохожие на итальянские, счастливо обретенные Петром Шангиным в долине реки Коргон.

Если бы П. Шангин, достигнув притоков Хаир-Кумина, где были открыты пестроцветные кремнистые брекчии, не продолжил маршрута, а повернул назад, то уже открытых месторождений было бы достаточно для того, чтобы его имя вошло в аксиологический (от лат. «аксиос» — достойно) ряд замечательных ис-

следователей Сибири, открывших дорогу к земной красоте. Вся дальнейшая судьба коргонских порфиоров в прикладном искусстве России подтверждает это.

Так уж складывались события и обстоятельства на Алтае, что первые опыты обработки самоцветов были произведены не в Колывани, а на Локтевском заводе. Именно там, где река Алей круто поворачивает к востоку, более двухсот лет назад петергофский каменноделальный мастер Петр Бакланов давал алтайским ученикам первые уроки обращения с твердым камнем, о приемах обработки которого сибиряки дотоле не имели никакого представления. Именно там, на Локтевском заводе, свершился поворот в судьбе горного ученика Филиппа Стрижкова — ему повезло встретиться с мастером Баклановым и, таким образом, петергофская школа камнерезного дела нашла в Сибири своего достойного продолжателя.

Филипп Стрижков оказался на редкость способным подмастерьем. Но плох тот ученик, который сравнился в мастерстве с учителем и замер на этом уровне. К счастью, со Стрижковым этого не произошло.

Локтевские каменные вазы, размером чуть более одного аршина, после 1794 г. изготавливались на машинах, изобретенных Ф. Стрижковым. Они могли обрабатывать только круглые вазы или небольшие колонны. Но это был шаг, ускоривший ручную обработку и отделку в десятый раз. Локтевский период и для Стрижкова, и для его соратников был серьезной репетицией перед тем, как выйти на иной творческий простор — в Колывань.

В конце XVIII в., просуществовав семьдесят лет, Колыванский рудоплавильный завод окончательно погасил свои печи. Этот демидовский первенец, породивший множество алтайских заводов и рудников, казалось, отжил свой недолгий век, и прекрасное место среди скал, сопок и сосен могло быть оставлено людям. От запустения берега речки Белой под горой Синюхой спасло камнерезное дело. Горное начальство решило, используя добротную демидовскую плотину, построить на месте завода новую шлифовальную фабрику. Стараниями Стрижкова она поднялась на удивление быстро даже для того времени. Начата летом 1800 г., фабрика менее чем за два года была выстроена из гранитного камня и оснащена новыми камнерезными станками. В феврале 1802 г. пришли в движение первые станки, а в августе — фабрика пущена на полную мощность.

Если вам придется побывать в Колывани, то этого мемориального здания миновать невозможно. Олицетворяя гранитными стенами историю достопамятного для России места, фабрика прочно встала за первой на Алтае заводской плотинной, вслушиваясь в неутомимый плеск мимолетящей речки Белой.

Начальник Алтайских заводов В. Чулков, сменивший Г. Качку, так отозвался на рождение нового камнерезного центра: «Означенная шлифовальная мельница в минувшем 1802 всем ее устройством окончена и ныне находится в надлежащем ее действии. Мельница сия мастером Стрижковым под точным его руководством и распоряжением расположена и устроена весьма прочно».

Современники Ф. Стрижкова – петергофские и екатеринбургские камнерезные мастера – конечно же, знали о его замыслах. Но масштабы петергофских и уральских изделий определялись размерами каменных заготовок, то есть тем, что подарила камнерезу природа.

Стрижкову от щедрот земных досталось несоизмеримо большее: в его камнесамоцветной кладовой оказались богатейшие месторождения, где можно было, орудуя не только клиньями и кувалдой, но еще и не забывая русскую смекалку, добывать прекрасные монолитные блоки порфира и яшмы. Вот на эту алтайскую особенность и делал ставку Стрижков, проектируя фабрику в Колывани. По сравнению с другими российскими камнерезными центрами того времени в Колывани был сделан решительно отличный шаг по увеличению масштабности изделий. Колывань с самого ее основания настраивалась работать над крупными вещами и в этом равных ей не было и нет.

Результаты стрижковского замысла не замедлили последовать. Если первые колыванские изделия – вазы яйцевидной формы из красно-фиолетового коргонского порфира – по размерам не превышали одного аршина (чуть более 70 сантиметров), то к 1810 г. Колывань уже отправляла в Петербург каменные пустотелые чаши трехаршинного диаметра, причем сделаны они были из прочнейшего и весьма капризного материала – из ревневской яшмы, о которой Стрижков писал: «Я со своей стороны лучше и достойнее в своем виде камня не нахожу зеленоволнистой ревневской яшмы, как по величине штук, так и по офигурованному ее виду».

В залах Государственного Эрмитажа под каменными чашами и вазами табличка с фамилией Стрижкова не редкость. Он по праву соавтора шедевров декоративно-прикладного искусства вписался в историю императорской сокровищницы. Стрижков – исполнитель, но исполнитель, равный по таланту авторам проектов. А за проектом каждой вазы или чаши из камня стоят известные миру имена архитекторов Кваренги, Камерона, Воронихина, Росси. Именно с этими творцами каменного Петербурга посчастливилось работать сибирскому мастеру. Расцвет архитектурного облика северной столицы, связанный со взлетом русского классицизма, находил творческое и природное обеспечение в глубинах Урала и Сибири. И далеко не последнюю роль в искусстве создания дворцовых интерьеров сыграли колыванские мастера!

Чтобы не создалось впечатление о Стрижкове, как о самородке-одиночке, необходимо назвать имена других колыванских исполнителей столичных проектов. Рядом с основателем Колыванской фабрики работали умельцы первой руки: Иван Колычев, Петр и Григорий Мурзинцевы, Иван Толстов, Алексей Осколков, Иван Окулов, братья Поднебесновы и Никита Трапезников. Этих имен вы не встретите на музейных табличках, но они неотъемлемы от истории зарождения Колывани камнерезной.

Колыванские вазы вошли не только в историю русского декоративно-прикладного искусства. Некоторые из них связаны с историей дипломатии. В этом смысле чрезвычайно любопытна судьба квадратной чаши из коргонского порфира. Она была закончена в

1806 г. В столицу ее сопровождал отдельщик Яков Протопопов. Из Колывани везли чашу почти полгода, а когда она появилась в столице и была представлена Александру I, то он решил, что эта чаша из неведомой Сибири может быть достойным ответным подарком на французские фарфоровые вазы, подаренные ему Наполеоном после заключения Тильзитского мира. История этой вещи интересна еще и тем, что у квадратной чаши есть три сестры. Две пропали без вести, но одна осталась в России и находится сейчас в Государственном Эрмитаже. Куда делись две других сказать трудно. Романовы владели Алтаем по праву императорской фамилии и имели обыкновение делать подарки своим немецким родственникам, не оставляя в архивах никаких записей. Но и то, что уцелело в стенах Эрмитажа из колыванского наследия, достойно удивления. Это прежде всего удивительные не только по красоте, но и по размерам круглые чаши: одна на химерических ножках из коргонского порфира — это работа 1810 г., другая — из зеленоволнистой ревневской яшмы. Ее привезли в Петербург в 1819 г., и столичная пресса не замедлила откликнуться на это событие восторженными словами. Появление огромной чаши как бы предвосхищало следующее событие камнерезной жизни и жизни столичной.

Самая крупная в мире чаша, которую часто называют «царицей ваз», вырезана из цельного монолита тоже в Колывани. Работу над «царицей ваз» начали еще в 1825 г. К тому времени более десяти лет фабрикой управлял механик Михаил Лаулин, сменивший рано умершего Ф. Стрижкова (1811 г.). Лаулин хорошо усвоил уроки своего предшественника и, понимая природные возможности алтайского камня, рядом со стрижковской фабрикой выстроил в 1820 г. здание для обработки колоссальных вещей. Отсюда, с левого берега реки Белой, и пошли в Петербург монолитные многометровые колонны и чаши размеров небывалых. Достаточно сказать, заготовка на «царицу ваз» весила не одну тысячу пудов, и огромный грубо обсеченный яшмовый каравай из каменоломни на фабрику тащило, впрягаясь в лямку, 406 рабочих людей с окрестных рудников. Путешествие заготовки от горы Ревнюхи до Колывани длилось около трех месяцев. Еще медленнее — более десяти лет — шла обработка вазы, начатая в период расцвета технического таланта М. Лаулина. Именно в его время, к 1825 г., Колывань научилась резать камень в прямом смысле слова, то есть украшать поверхность изделий рельефной резьбой. Один из лучших образцов такой работы — декорированная ножка «царицы ваз». Листья аканта вместе с волнистыми линиями яшмы создают необыкновенную игру объема, цвета и тени. Кажется, какое-то древнее дерево вырастает из глубин земли и неожиданно раскрывается цветком фантастических размеров.

М. Лаулину не суждено было увидеть «царицу ваз» завершенной. Он умер в 1835 г., а колоссальная овальная чаша, диаметр которой в большом сечении превышает семь аршин, поплыла по сибирским снегам в столицу империи только через восемь лет. В августе 1843 г. «царица ваз» была выгружена на набережной у Зимнего дворца, но водворилась в один из залов Нового Эрмитажа только через восемь лет.

Среди множества статей и нескольких книг о Колывани камнерезной есть одна особенная. Создавалась она жизнью нескольких поколений камнерезов и сохранилась до наших дней в Государственном архиве Алтайского края. Называется этот документальный свод в духе XIX столетия «Книга обработанных на Колыванской шлифовальной фабрике каменных вещей и отправленных в Кабинет его императорского величества с 1786 года». (Краевед. зап. Барнаул, 1956. Вып.1).

Завидная аккуратность анонимного составителя редкостного документа позволяет проследить судьбу двухсот пятидесяти больших и малых ваз, десятков светильников, цветников, торшеров, монолитных колонн и каминов, украсивших дворцы Петербурга и его окрестностей в XIX веке.

Есть в архивной книге одна особенная запись, относящаяся к 1856 г. Ей предшествовал указ из Кабинета императорского двора, адресованный управляющему Колыванской фабрикой: «Изготовить 18 колонн из ревневской яшмы для храма Христа Спасителя в Москве». В 1856 г. первая из восемнадцати заказанных колонн отправилась в Москву. А за ней, ежегодно по две, а то и по три колонны доставлялись в строящийся всероссийский храм, воздвигнутый по обету Александра I в ознаменование победы над Наполеоном. В 1862 г. появилась последняя запись о колоннах (всего их было изготовлено двенадцать). Так решил глава строительного комитета, генерал-губернатор Москвы граф Закревский.

Храм Христа Спасителя строился почти столетия – с 1839 по 1883 г. Судьба уникального сооружения трагична – он был варварски разрушен, а произведения искусства, наполнявшие храм, разворованы, разбазарены по белу свету. Казалось бы, ничего не уцелело от памятника русской истории. В том числе исчезли и те колыванские колонны, которые украсили интерьер собора ко времени его освящения. Но, видимо, есть на свете некий ангел-хранитель, оберегающий колыванские творения. Они все чаще находятся в различных музейных собраниях за границей. В Париже, например, или в Лондоне и на Нью-Йоркской фондовой бирже. А колонны из храма Христа Спасителя нашлись в Москве, в парадной приемной ректора МГУ.

Помимо тех каменных вещей, что выставлены в залах российских музеев или хранятся в различных собраниях Турции, Швеции, Японии, Франции и Китая, существует целый ряд малоизвестных колыванских изделий, которые рассеяны по стране в силу превратностей судьбы. Вот нечто вроде краткого путеводителя по Колывани неизвестной:

Москва. Музей литературы им. Пушкина на Волхонке – ваза-цветник из белорецкого кварцита, 1825 г. Мастер М. Лаулин. Поступила из здания Министерства просвещения на Софийской набережной.

Дом Пашкова – бывший Румянцевский музей. Две чаши из ревневской яшмы и коргонского порфира, 1856 и 1857 гг. Чаши подарены Румянцевскому музею Кабинетом императорского двора в 1862 г.

Минералогический музей им. Ферсмана. Камин, вазы, трюмо из алтайских яшм и порфиоров. Здесь же хранится образец изделий фирмы Фаберже — изящное яблоко из белорецкого кварцита с ювелирной серебряной плодonoжкой. Вещи поступили в музей из петербургских коллекций.

Третьяковская галерея (старое здание) — торшеры из коргонского порфира середины XIX в. В этой же галерее находится ваза из ревневской яшмы, выполненная по проекту Л.Н. Уртаевой. Ваза экспонировалась на Международной Лейпцигской выставке в 80-е годы.

Музей творчества крепостных в Останкино — две вазы из риддерской брекчии.

Андреевский зал Московского Кремля — каминные из коргонского порфира середины XIX в.

Петербург. Дом ученых на Неве. Две вазы из ревневской яшмы, 1836 г.

Музей Петербургского горного института. Редкие образцы анималистической скульптуры из кварцита, яшмы, порфира. Здесь же блюдо и солонка из белорецкого кварцита, поднесенные престолонаследнику в Сибири в 1891 г.

Сквер у Дома пионеров. Чаша из коргонского порфира, 1860 г.

Ялта. Бывший императорский дворец. Декоративные вазы из коргонского порфира на фасаде дворца. Работы конца XIX в.

Колыванские изделия в собраниях Павловского дворца-музея и Екатерининского дворца в Пушкине вряд ли можно назвать неизвестными, но они относятся в основном к периоду Локтевской шлифовальной мельницы.

Есть совершенно особенные страницы в истории Колывани — это ее участие во Всемирных выставках. И первая, и вторая Лондонские выставки (1851 и 1862 гг.) показали, что Колыванская фабрика, едва ли не единственное в мире предприятие, работающее над колоссальными чашами и вазами из прочнейшего природного материала. Соперничать с Колыванью в этом мог только Екатеринбург. Просматривая и штудирюя труды зарубежных историков декоративно-прикладного искусства XVIII и XIX вв., я не обнаружил ни единого упоминания о крупных (по размерам) произведениях из цветных камней: яшм, кварцитов или порфиоров. В лучшем случае встречались сведения о небольших вазах из мрамора и лазурита, в других случаях назывались изделия из алебаstra. Подтверждение сказанному можно легко найти в трудах Анри де Морана. Что же касается изделий сибиряков, то сохранился восторженный отзыв, выделяющий произведения камнерезного искусства из 365 российских экспонатов на Лондонской Всемирной выставке 1851 г. О квадратной чаше из коргонского порфира и яшмовых чашах в отзыве говорилось, что они «превосходят любые подобные произведения древнего искусства»

Участие во второй Лондонской выставке принесло колыванцам бронзовую медаль и патент. Награды удостоилась ваза на химерических ножках из серо-фиолетового порфира, изготовленная под руководством алтайского архитектора Ивана Злобина, управляющего фабрикой в 60-х годах XIX в. Небезынтересна техноло-

**Здание Кольванской шлифовальной фабрики,
построенное в 1802 г. унтер-шихтмейстером Ф.В. Стрижковым.
Современный въезд на завод**

Фото А.Волбуева

**Чаша овальная. ("Царица ваз"). Ревневская яшма. 1820-1843 гг.
Проект А.И. Мельникова. Мастера: И.М. Ивачев, И.С. Колычев,
И.М. Коновалов. Шлифовальщики и отделыщики: Г.Н. Воротников,
Ф.Ф. Есаулов, Я.Ф. Есаулов, П.И. Зудов, М.Я. Мурзинцев, Д.А. Осколков.**

Эрмитаж

Чаша.
Коргонский порфир.
Выполнена по проекту
заводских художников.
1980-е гг.

Музей
Кольванского
камнерезного
завода.

Фото А.Волбуева

Медальон
"Родомысл
дванадцатого
века"
Союзная яшма.
Копия в камне
по модели
Ф.П. Толстого
выполнена
камнерезом
Кольванской
шлифовальной
фабрики
Ф.Е.Голубцовым.
Середина XIX в.
Музей
Кольванского
камнерезного
завода.

Фото А.Волбуева

гическая подробность работы над вазой, поскольку Злобин первым среди российских камнерезов внедрил копируемый станок в дело. Три химерических ножи, поддерживающие вазу над плитом, обрабатывались одновременно, сохраняя полную схожесть с гипсовым оригиналом, формы которого на режущий инструмент передавал жесткий копир.

Колывань была не просто равноучастницей, а находилась в числе призеров и на Парижской, и на Венской Всемирных выставках. Об этом говорят медали, чудом сохранившиеся в Алтайском краевом музее. На одной из них по окружности читается надпись: «Exposition. universelle. De l'ан CCCLXVII. а Paris. Hors concours». К сожалению, не сохранилось наград Колумбийской выставки. Она была очень памятной для колыванских камнерезов. Вряд ли кто-то из мастеров, провожая в 1893 г. яшмовые вазы в Чикаго, предполагал, что эта всемирная выставка окажется для сибирских камнерезов последней успешной. Как бы предвещая закат некогда высокого ремесла, вспыхнула в руках колыванских мастеров бронзовая медаль с берегов Мичигана, доставленная на Алтай императорской почтой. Это была последняя награда, последнее международное признание искусства колыванских камнерезов XIX в., который для них, без тени сомнения, следует назвать Веком Расцвета!

Первая серьезная попытка возрождения ремесла колыванских камнерезов в советское время относится к 1945 г. Победа в минувшей войне вселяла в людей чувство надежды – на фабрике возвращались к довоенным планам строительства новых цехов. И для восстановления традиции были все условия: еще были живы последние могикане камнерезного мастерства, был камень рядом, был мощный эмоциональный всплеск. Меньше чем за год по проекту художника Алексея Иевлева было изготовлено одиннадцать ваз. Отправленные в Ленинград, где находился трест «Русские самоцветы», командовавший всем камнерезным искусством страны, эти изделия так и не были проданы.

Не надо забывать, что крылья колыванской традиции подрезали революция и гражданская война. Поэтому тщетно вы будете искать в каталогах советских музеев какие-то изделия из алтайского камня – ни один музей страны не заказывал колыванским мастерам что-либо хотя бы отдаленно напоминающее заказы императорского двора.

И все же исключения есть! В высшей мере знаменательно, что в 1976 г. таким заказчиком выступили не столичные музеи, а Музей изобразительных искусств Алтая. В поступке директора этого музея Л.Н. Шаминой, заказавшей Колыванскому заводу копии нескольких ваз XVIII и XIX вв., ясно читается суть явления: традиция возрождается не по указу свыше, а изнутри!

Колыванские камнерезы вернулись к жанру вазы после длительного перерыва, но профессиональные секреты мастерства, передаваемые из поколения в поколение, сохранились. Их нужно было возродить на иной технологической основе. Именно этим и было занято руководство завода: директор Б. Пчелинцев и главный инженер В. Петров, а также молодые художники А. Люин, А. Дербенев, С. Плюхин, О. Демидов в 70-х годах, когда пошли

первые заказы на серьезные работы для городов Алтая. Для колыванцев это период особенный. Если XIX век диктовал камнерезам размещение их произведений в интерьерах дворцов, то сегодняшние художники вывели красоту каменных ваз на улицу — на всенародное обозрение! Сейчас трудно представить себе Барнаул, Змеиногорск или сам поселок Колывань без декоративных ваз, создающих вокруг себя атмосферу неповторимости, поскольку камень в природе неповторим, и двух одинаковых ваз создать невозможно.

Такое качество алтайских яшм и порфиров, кварцитов и брекчий очень хорошо прочувствовал художник Г. Алексеев. Прежде всего он увидел живописные возможности каменной палитры. Для биографии флорентийской мозаики, изготовленной колыванскими мастерами, это весьма существенно. Г. Алексеев первым проектировал и осуществлял вместе с исполнителями в 1982—1985 гг. огромное камнесамоцветное панно для речного вокзала в Барнауле. Размеры панно впечатляют — полсотни квадратных метров природной стихии, природной красоты, а красота камня говорит сама за себя. За этой картиной последовало еще несколько крупных заказов, и сейчас работы колыванских мозаичистов украшают лучшие Дворцы культуры Барнаула, гостиницы Новосибирска, общественные здания Усть-Каменогорска, Бийска, Рубцовска. Но, пожалуй, лучшая работа в технике флорентийской мозаики, выполненная по проекту Г. Алексеева — это декоративные панно в Новосибирском метро. Поток сибирской экзотики хлынул из самых глубин алтайских недр и предстал перед восхищенным зрителем на станции «Сибирская» во всем разнообразии красок.

Появление среди колыванских камнерезов художника Андрея Биттера связано с определенной переменной климата на камнерезном заводе — он был передан в ведение Министерства коммунального хозяйства России. Первый, и сразу же значительный заказ, выполненный А. Биттером, разместился в санатории алтайских коммунальщиков «Обь» в прекрасном сосновом бору на окраине Барнаула.

С периодом работы Колыванского завода в системе коммунального хозяйства края связаны первые контакты камнерезов с возможными зарубежными партнерами. В историческом для сибиряков месте — на Колыванском заводе — побывали представители итальянских, немецких, шведских и японских фирм. Образцы декоративных колыванских ваз были отправлены в США. Более того, директор завода Б.Г. Пчелинцев вывез в этот период колыванские изделия на международную выставку в Израиль. Правда, при этом не обошлось без неурядиц. Когда изделия из алтайского камня прибыли на землю обетованную, выяснилось, что выставка тематическая — экспонируются изделия из металла. Но, поскольку гости сибирские приехали издалека, колыванские вазы в экспозицию все же включили. Камень колыванский на той выставке соперников не имел, изделия заметила израильская пресса, но и не более того. Продать вазы не удалось, пришлось оставить их посреднику, так как обратно везти — себе дороже. Дальнейшая судьба ваз неизвестна.

Администрация завода металась по стране в поисках заказчика, но в это время рушились и не такие колоссы, как малый заводик под горой Синохой.

В 1998 г. Колыванский камнерезный завод обанкротился. По сути дела, это было волевое решение администрации края, чтобы списать все многочисленные долги завода и спасти Колывань, как камнерезный центр Сибири. В марте 1998 г. завод передали в ведение «Алтайавтодора». Пожалуй, это было самое реальное решение — «Алтайавтодор» выступил как непосредственный заказчик на изделия из гранита. Колывань получила большой заказ на изготовление бордюрного камня. Летом 2001 г. завод выполнил крупный заказ для Барнаула — к Дню города барнаульцы получили новую театральную лестницу, парапеты которой украшены декоративными гранитными шарами. Вместе с тем сменилось и руководство завода — государственное унитарное предприятие возглавил на первых порах В. Терещенко, а с 2000 г. — В.А. Загурских.

Последние десять лет для Колыванского камнерезного легкими назвать трудно. Но и среди трудностей есть моменты светлые. Завод изготовил несколько мозаичных панно, появились частные заказы на декоративные вазы. Весной 2001 г. колыванцы представили свои художественные изделия в Новосибирске на выставке изделий из камня. И труды их были по достоинству вознаграждены — за стилизованную братину из белорецкого кварцита завод награжден большой золотой медалью выставки.

Это оптимистическое событие накануне 200-летия завода и позволяет надеяться — не все возможности Колывани, как первого камнерезного центра Сибири, исчерпаны. Мастера, распочав золотой медалью новый век, готовятся к своему юбилею. И главное изделие к этому событию — юбилейная ваза, проект которой разработан заводским художником Олегом Демидовым.

А.М. Родионов

ЛИТЕРАТУРА

Алтай в прошлом и настоящем: 50 лет Алт. края: Тез. докл. к науч.-практ. конф. Барнаул, 1987. 256 с. — Из содерж.: Каган Ю.О. Колыванские камни и роль материалов Государственного архива Алтайского края в их изучении. С. 210-213; Мавродина Н.М. История создания колоссальной колыванской чаши по материалам Государственного исторического архива СССР в Ленинграде. С. 213-215.

Баранов М. Заботы Колыванского завода // Декоратив. искусство СССР. 1983. № 9. С. 16-18: ил.

Буданов С. А.Н. Воронихин — автор уральских и алтайских ваз // Декоратив. искусство СССР. 1973. № 9. С. 45-46: ил. Библиогр.: 5 назв. *Об изделиях Колыванской шлифовальной фабрики 1802-1803 гг.*

Буданов С.М. Русское камнерезное искусство на Алтае в конце XVIII — первой половине XIX веков: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения. М., 1980. 19 с.

Владимиров С. Из экономической пропасти в залы Эрмитажа Комс. правда. 2000. 20-27 окт. С. 14: фот.

О возрождении Колыванского камнерезного завода, новых заказах.

Воротников А.И. Легенды и были Горной Колывани / Предис: Н. Савельева // Алтай. 1952. № 6. С. 119-135: ил.

Из истории Колыванского камнерезного завода им. И.И. Ползунова.

Ефимова Е.М. Русский резной камень в Эрмитаже. Л., 1961. 135 с.: ил. Текст парал.: рус., англ. — Из содерж.: [Об изделиях Колыванской шлифовальной фабрики]. С. 17, 24-31; ил. № 55-89.

Искусство Алтая XVIII—XIX вв.: Тез. докл. к краев. науч. конф., посвящ. 250-летию Барнаула / Алт. краев. музей изобразит. и приклад. искусств. Барнаул, 1978. 31 с. — Из содерж.: Медникова Э.М. Из истории Колыванского камнерезного завода имени И.И. Ползунова. С. 4-5; Пчелинцев Б.Г. Современное состояние камнерезного искусства на Колыванском камнерезном заводе им. И.И. Ползунова. С. 6-8; Швецов А.Я. К вопросу о сырьевой базе Колыванского камнерезного завода. С. 9-12; Алексеев Г.Л. Подолочный и облицовочный камень Алтая и современное искусство. С. 12-14.

Исследователи Алтайского края, XVIII—начало XX века: Биобиблиогр. слов. / Ком. по культуре и туризму адм. Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, Алт. краев. Рос.-Нем. Дом. Барнаул: ОАО «Алт. полигр. комб.», 2000. 280 с. О Колыванской шлифовальной фабрике, см. Географический указатель.

Камнерезное искусство Алтая: Буклет. Барнаул, 1977 1 л.: ил.

Колыванскому заводу — 175 лет.

Колыванская ваза: Проспект / Гос. Эрмитаж; Сост. Н.М. Мавродина. Л., 1989. 11 с. Библиогр.: 9 назв.

Колыванская шлифовальная фабрика // Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. 2. С. 411-413.

Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае: Краткий исторический очерк, составленный к столетию фабрики. 1802—1902 гг. / Сост. Н.С. Гуляев, П.А. Ивачев. Барнаул: Типо-Литография Упр. Алт. округа, 1902. 70 с.: ил. Ч. 1. [Гуляев Н.С.]. Поиск и обделка твердых камней на Алтае до открытия шлифовальной фабрики в с. Колывани. Ч. 2. [Ивачев П.А.] Шлифовальная фабрика в с. Колывани.

Колывань: История, культура и искусство сиб. провинции России, 1728—1998 / Упр. архив. дела адм. Алт. края, Алт. гос. ун-т, Лаб. ист. краеведения Барнаульск. гос. пед. ун-та, адм. Курьин. р-на. Барнаул, 1998. 308 с.: ил. — Колывань: Библиогр. указ лит. (1751—1997). С. 288-306 (139 назв.).

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / Пер. с нем. В.В. Завалишина, Ю.П. Бубенкова. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. 415 с. Из содерж.: Ледебур К. [Экскурсия на Колыванскую шлифовальную фабрику и Ревенную сопку]. С. 31-35; Бунге А.А. [На Колыванской шлифовальной фабрике]. С. 159-161; Описание наиболее крупных изделий, изготовленных на Колыванской шлифовальной фабрике с 1799 по 1826 гг. и доставленных оттуда в Санкт-Петербург. С. 346-347.

Лопатина И. Призовая медаль международной Лондонской выставки 1851 года из фондов Колыванского музея истории камнерезного дела // Алтайский краевой музей изобразительных и прикладных искусств. Итоги деятельности музея в 1992 году: Сб. докл. на науч.-практ. конф. Барнаул, 1993. С. 61-66. Библиогр.: с. 66 (9 назв.).

Макаров В.К. Цветной камень в собрании Эрмитажа. Л., 1938. 123 с.: ил. — Из содерж.: [Об изделиях Колыванской фабрики]. С. 26-27, 30, 38, 42-43, 68-73, 76, 80, 82-83, 85, 90-91, 94, 106-110, 113, 115-118, 121-122.

Микуров О. Живые камни Колывани // Алт. правда. 2000. 4 марта. О Колыванском камнерезном заводе.

Мохин И.А. Колыванская шлифовальная фабрика в период капитализма // Документальные памятники и их использование в коммунистическом воспитании: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1983. Ч. 2. С. 67-71.

Мукаева Л.Н. Из истории алтайского камнерезного искусства второй половины XIX в. // Промышленное зодчество Алтай: Материалы межрегион. конф. Барнаул. 1996. С. 45-51: ил. Библиогр.: с. 51.

Небольсин П. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб.: Тип. Глазунова, 1850. 248 с. — Из содерж.: [О Колыванской шлифовальной фабрике]. С. 247-248.

О создании краевого государственного унитарного предприятия «Колыванский камнерезный завод им. И.И. Ползунова»: Постановление администрации Алт. края от 27.11.97 г. № 690 // Сборник законодательства Алтайского края. Барнаул, 1997. № 19 (39). С. 336.

Отцвел каменный цветок / В. Саланин // Свобод. курс. 1998. 8 окт. (№ 41). С. 2.

О ликвидации краевого унитарного предприятия «Колыванский камнерезный завод им. И.И. Ползунова» постановлением администрации края.

Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края: Тез. докл. к краев. конф., посвящ. 250-летию Змеиногорска и 200-летию камнерез. искусства Алтай. Змеиногорск, 16-17 авг. 1986. Барнаул. 115 с. — Из содерж.: Пчелинцев Б.Г. Сырьевая база и перспективы развития Колыванского камнерезного завода им. И.И. Ползунова. С. 101-103; Шамина Л.И. Роль Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств в возрождении и развитии камнерезного искусства Алтай. С. 103-104; Дербенев А.А. 200 лет камнерезной промышленности Алтай. С. 104-105; Соколова Е.М. Работа архитектора К.Росси над изделиями Колыванской шлифовальной фабрики. С. 106-108; Соколова Е.М. Литература о камнерезном искусстве Алтай конца XVIII—первой половины XIX в. С. 109-111.

Работы камнерезов Колывани в Эрмитаже: Кат. выст. / Гос. Эрмитаж; [Вступ. ст. и кат. Н.М. Мавродиной]. Л. 1990. 196 с.: ил, схем.

Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-ние, 1982. 457 с. — Из содерж.: [Колывань. Колыванская шлифовальная фабрика]. С. 91, 123. 129-130.

Родионов А. Колывань камнерезная: Повествование о рудознатцах, горных инженерах, подмастерьях и мастерах. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. 296 с.: ил. Библиогр.: с. 295.

Родионов А. Колывань: время камню заговорить // Спутник. 1988. № 10. С. 150-157: цв. ил.

Родионов А. На крыльях ремесла: Повествовательная хроника камнерезного дела на Алтае с 1786 и до наших дней. М.: Современник, 1988. 279 с.: ил.

Розен М.Ф. Колывань — старый центр художественного камнерезного производства // Вопросы географии Сибири. Томск. 1993. Вып. 19. С. 126-129.

Савельев Н.Я. Алтайские камнерезы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1956. 72 с.: ил.

Савельев Н. Изделия алтайских камнерезов (за время с 1786 года по 1889 год) // Краеведческие записки. Барнаул, 1956. Вып. 1. С. 220-225; схем. Прил.: «Книга обработанных на Колыванской шлифовальной фабрике каменных вещей и отправленных в Санкт-Петербург в Кабинет Его Императорского Величества с 1786 года».

Саланин В. «Алтайавтодор» возродил камнерезную Колывань: В этом году он планирует выйти на максимальные объемы работ // Свобод. курс. 1999. 29 апр. (№ 18). С. 7.

Спаский Г. Путешествие на Тигирекские белки или горы, вечно снегом покрытые // Сиб. вестн. 1818. Ч. 1. С. 5-27; Ч. 8. С. 123-152.

Имеется описание Колыванской шлифовальной фабрики и озера.

Степанская Т.М. Колыванская шлифовальная фабрика // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1997. Т. 2. С. 182-183.

Сыромятников А. Возродим былую славу Колыванской шлифовальной фабрики // Алт. правда. 1946. 29 мая.

Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. В 2 т. / Предисл. А.А. Мамуровского. М.

Т. 1. 1954. 371 с.: ил. – Из содерж.: [Об истории камнерезного дела на Алтае]. С. 30-32; 163-166; 168; 339.

Т. 2. 1961. 371 с.: ил. Из содерж.: [Колыванская фабрика]. С. 134-246.

Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах / В обработке и с доп. Е.С. Синегуба, Д.И. Щербакова. Л., 1974. 253 с. – Из содерж.: [Камни Алтая. С. 22-24; Яшмы Алтая. С. 161-167].

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4243. Л. 141-141 об. Ф. 4. Оп. 1. Д. 159. Л. 9.